

Пустой дом

МУНБИН МУР

18+

Мунбин Мур

Пустой дом

«Автор»

2026

Мур М.

Пустой дом / М. Мур — «Автор», 2026

Частный детектив Алексей Воронов получает анонимное письмо: в старом особняке 13 на Сосновой исчезла семья. Полиция закрыла дело, но Воронов чувствует — в доме что-то не так. Едва переступив порог, он попадает в ловушку, из которой нет выхода. Пустые комнаты хранят следы чужого присутствия, стены пронизаны скрытыми камерами, а в подвале гудит жуткая Машина, питающаяся человеческим страхом. Хозяин дома — загадочный Красный Пётр — ждал его сорок лет. Теперь Воронов должен распутать клубок тайн, уходящих корнями в прошлое его собственной семьи, иначе следующие жертвы — те, кто ему дорог. Но главный вопрос: сможет ли он выйти из Пустого дома живым или навсегда станет его частью? Мрачный, атмосферный детектив-триллер, который держит в напряжении до последней страницы и напоминает: самый страшный дом — тот, что хранит твои собственные тайны.

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина на Сосновой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пустой дом

«Дом не бывает пуст. Если тебе кажется, что в нём никого нет, значит, ты ещё не увидел того, кто смотрит на тебя из стен».

Из трактата «Пётр Красный», 1903 г.

Мунбин Мур

Глава 1. Тишина на Сосновой

Дождь зарядил за час до того, как Алексей Воронов свернул с трассы на старую бетонку, и теперь барабанил по крыше автомобиля с монотонностью метронома, отмеряющего чье-то чужое время. Дворники скребли по лобовому стеклу, размазывая грязь, и в их ритмичном скрипе слышалось что-то предостерегающее — но он гнал от себя эту мысль, списывая всё на усталость и поздний час. Стрелка спидометра едва касалась отметки «60», однако каждый километр давался тяжелее предыдущего: дорога сужалась, обочину захватывал дикий кустарник, а фонари вдоль неё не горели уже много лет. Воронов прищурился, вглядываясь в навигатор, где маршрут обрывался жирной красной точкой на безымянном участке карты. Точка пульсировала, будто сердце, и ему на мгновение показалось, что она подстраивается под ритм дождя.

Он выключил радио полчаса назад. Помехи, шипение и обрывки далёких голосов мешали сосредоточиться, а главное — создавали иллюзию, что он не один в машине. Теперь тишину нарушал только дождь, но и этого хватало. Воронов достал из бардачка конверт без марки и адреса, который три дня назад обнаружил в почтовом ящике своей конторы. Бумага была плотной, кремовой, с едва уловимым запахом лаванды и сырости — странное сочетание, наводившее на мысли о старом доме, где пытаются скрыть плесень за дорогими ароматами. Внутри лежал один-единственный лист, сложенный вдвое, и фотография.

«Алексей Ильич, Вы моя последняя надежда. Моя семья исчезла три месяца назад в доме №13 по улице Сосновой. Полиция закрыла дело, сказали — уехали. Но я знаю: они не могли уехать. Я прилагаю снимок. Приезжайте. Дом ждёт».

Подписи не было. Зато фотография говорила сама за себя: стандартный снимок 10x15, чуть выцветший, с датой в правом нижнем углу — 12 мая этого года. На нём четверо людей стояли на фоне двухэтажного особняка с мансардой. Мужчина лет сорока пяти с густой проседью на висках, женщина с усталой, но тёплой улыбкой, мальчик-подросток, насупившийся в объектив, и девочка лет восьми с плюшевым медведем в руках. Семья Кузнецовых — это он выяснил за несколько часов, подняв старые связи в управлении. Действительно, дело об исчезновении было заведено 15 июня, но уже через две недели спущено в архив с формулировкой «отсутствие состава преступления». Соседи показали, что видели, как они грузили чемоданы в машину поздним вечером. Кто-то слышал громкий разговор, кто-то — плач ребёнка. Но никто не вызвал полицию. Дом остался пустым, и теперь в нём жила только тишина.

Воронов покрутил фотографию в пальцах, вглядевшись в лица. В них не было ничего зловещего, обычная семья, но что-то царапало взгляд — какая-то несостыковка, деталь, которую он пока не мог уловить. Мальчик смотрел не в камеру, а чуть левее, в сторону окна второго

этажа, и в его глазах застыл страх. Или это только казалось из-за игры теней? Воронов убрал снимок обратно в конверт и надавил на педаль газа.

Дорога сделала последний поворот, и перед ним открылся вид, от которого по спине пробежал холодок — совершенно иррациональный, животный, не подкреплённый ничем, кроме интуиции. Дом №13 стоял в самом конце тупика, утопая в зарослях сирени и одичавших яблонь, чьи ветви царапали стены, будто пытаясь пробраться внутрь. Двухэтажный особняк из серого камня с тёмной черепичной крышей и мансардным окном, которое смотрело на дорогу, как глаз. Окна первого этажа были темны, но на втором, в том самом окне, куда глядел мальчик на фото, мерцал слабый, едва заметный свет — не электрический, а скорее колеблющийся, живой, как пламя свечи.

Воронов заглушил двигатель. Теперь дождь звучал иначе: капли стучали по листьям, по каменной дорожке, ведущей к крыльцу, по металлическому козырьку над входной дверью. Сложный ритм, в котором можно было расслышать шёпот, если достаточно долго вслушиваться. Он отогнал эту мысль, вышел из машины и сразу почувствовал запах — сырой земли, мокрой коры и чего-то сладковатого, напоминающего ладан. Запах окутал его, проник под воротник куртки, и Воронов невольно поёжился.

Калитка была приоткрыта. Ржавые петли издали протяжный скрип, когда он толкнул её ладонью. На бетонной дорожке виднелись следы: нечёткие, размытые дождём, но достаточно свежие, чтобы он насторожился. Отпечатки мужских ботинок, не меньше сорок третьего размера, вели к дому, но не возвращались обратно. Кто-то прошёл здесь час или два назад, до того, как дождь усилился. Может, тот самый анонимный отправитель письма? Или кто-то ещё, кто тоже ищет семью Кузнецовых?

Он поднялся на крыльцо. Дверь была массивной, дубовой, с резными вставками в виде виноградных лоз, и на ней не было ни звонка, ни глазка. Воронов машинально надавил на ручку — и дверь подалась внутрь с лёгким, почти приветливым скрипом. Он замер на пороге, прислушиваясь. Тишина. Такая глубокая, что звон в ушах казался чужим голосом. Дождь за спиной остался снаружи, здесь же воздух был неподвижен, но имел привкус — пыли, нагретого дерева и едва уловимого кофе.

Он ступил внутрь. Прихожая встретила его темнотой, которую рассеивал только свет с лестницы, ведущей на второй этаж. Слабый, колеблющийся, как он и предполагал — свеча. Кто-то зажёл свечу наверху и оставил её гореть. Кто? Воронов нашарил выключатель на стене, щёлкнул им — безрезультатно. Электричество было отключено, но в доме явно кто-то был совсем недавно. Он достал из кармана фонарик, провёл лучом по стенам: обои с выцветшим цветочным узором, вешалка с одиноким женским плащом, обувная полка, на которой стояли детские резиновые сапожки и мужские кожаные туфли. Слишком аккуратно, слишком обдуманно. Семья не собиралась уезжать навсегда — они оставили вещи, как будто планировали вернуться через час.

Луч фонарика скользнул дальше, и Воронов почувствовал, как сердце пропустило удар. На полу, на старом ковре с восточным орнаментом, темнели пятна. Он присел на корточки, подсветил. Бурые, неровные, с характерными брызгами по краям. Кровь. И она была не старой — когда он коснулся пятна пальцем (зачем он это сделал, не смог бы объяснить даже себе), оно оказалось липким, но успевшим подсохнуть лишь сверху. Кровь, пролитая не раньше сего-

дняшнего утра. Воронов медленно выпрямился, отёр палец о джинсы и достал из кобуры под курткой пистолет. Он не любил оружия, но многолетняя привычка брала своё.

Дом молчал. Но это была не та тишина, что бывает в заброшенных зданиях, — мёртвая, безразличная. Эта тишина была наполнена вниманием. Каждый скрип половицы, каждый удар дождевой капли по стеклу словно имел адресата, и этим адресатом был он.

Воронов двинулся вглубь прихожей. Справа от него уходил коридор в кухню и, вероятно, в гостиную, слева — лестница на второй этаж, устланная ковровой дорожкой, по которой поднимался трепещущий свет свечи. Он решил начать с первого этажа. Кухня встретила его запахом еды — не испорченной, а приготовленной, с нотками корицы и тушёного мяса. Воронов застыл в дверях, переводя луч фонарика с одного предмета на другой. На плите стояла кастрюля, накрытая крышкой, из-под которой сочился пар — едва заметный, почти иллюзорный. Он протянул руку, коснулся металлической ручки: кастрюля была тёплой. Рядом на разделочной доске лежал надрезанный хлеб и нож с лезвием, испачканным томатным соком. На столе, на скатерти с синей вышивкой, стояли две тарелки с остатками ужина — суп, кажется, — и стакан с недопитым чаем. В чае ещё плавали чайники. Воронов поднёс ладонь к стакану: холодный, но без слоя пыли, которая неизбежно скапливается на жидкости за несколько дней. Этому ужину было не больше нескольких часов.

Он опустил фонарик, чтобы случайно не задеть что-то ещё, и осмотрелся. В углу у окна стоял старый холодильник «ЗИЛ», который тихо, но явственно гудел, работая от какого-то автономного источника. Воронов открыл дверцу: внутри горел свет, на полках лежали продукты — яйца, сыр, масло, начатая упаковка сосисок, банка домашнего варенья. В морозильной камере — упаковка пельменей. Ничего не испорчено. Холодильник работал, и это означало одно: в доме либо есть генератор, либо кто-то поддерживает электроснабжение извне. Но зачем? Чтобы создать иллюзию жизни там, где её нет?

Он выключил фонарик, привалился к дверному косяку и прикрыл глаза, пытаясь уловить звуки, которые дом прятал за монотонным шумом дождя. Сначала ничего. Затем — слабый, едва различимый скрип половицы наверху. Не ветер. Не дерево, оседающее от перепада температуры. Это был размеренный, осторожный шаг человека, который не хотел быть услышанным. Воронов открыл глаза и в темноте, лишь слегка разбавленной светом со второго этажа, поднял пистолет, направив ствол в потолок.

— Есть кто? — его голос прозвучал глухо, поглощённый старыми стенами, и ответом ему стала всё та же тишина. Но шаги прекратились. Теперь дом снова слушал.

Он покинул кухню, стараясь ступать бесшумно, и пересек коридор, ведущий в гостиную. Здесь было темнее всего: плотные шторы на окнах не пропускали даже отсветов уличного фонаря, которого, впрочем, и не существовало. Воронов снова включил фонарик и осветил комнату. Большой диван с плюшевыми подушками, журнальный столик, телевизор на тумбе, книжный шкаф, заполненный томами в потрёпанных обложках. В углу — детский мольберт с неоконченным рисунком: дерево, солнце и два человечка, держащиеся за руки. Один из человечков был зачёркнут жирной чёрной линией. Рядом валялся восковой мелок. Девочка рисовала и остановилась на середине.

На журнальном столике лежал раскрытый ноутбук. Экран светился тускло, находясь в режиме сна. Воронов подошёл ближе, коснулся сенсорной панели — экран ожил, показав рабо-

чий стол с единственной открытой программой. Это был медиаплеер, и в нём было загружено видео. Иконка воспроизведения застыла на середине шкалы прогресса. Он нажал «Play».

Сначала динамики выдали только шум — тот самый, что он слышал в машине, смесь помех и низкочастотного гула. Затем изображение прояснилось: камера была установлена где-то в верхнем углу, снимая холл второго этажа. Угол обзора захватывал часть лестничной площадки, дверь в одну из комнат и кусок коридора. На записи было темно, но инфракрасная подсветка выхватывала контуры предметов. Несколько секунд ничего не происходило, потом дверь открылась, и в проёме появилась фигура — маленькая, детская. Девочка в длинной ночной рубашке, та самая, с фотографии, вышла в коридор, постояла, глядя прямо в камеру, и медленно подняла руку, указывая пальцем куда-то за пределы кадра. Её губы шевелились, но звука не было слышно, только тот самый гул.

Воронов склонился ближе к экрану, пытаясь прочитывать по губам. «Он... здесь», — или ему только показалось? В этот момент камера дрогнула, изображение пошло рябью, и когда оно восстановилось, девочки в коридоре уже не было. Дверь оставалась приоткрытой.

Видео оборвалось. Экран ноутбука мигнул и погас — заряд батареи иссяк в самый неподходящий момент. Воронов чертыхнулся и только сейчас осознал, что в гостиной стало светлее: из коридора на пол легла полоса колеблющегося света. Свеча на втором этаже всё ещё горела, но теперь её пламя разгорелось ярче, словно кто-то подрезал фитиль. Он выпрямился, чувствуя, как напряжение скручивает мышцы спины в тугой узел. Пора было подниматься вверх.

Лестница застонала под его весом, выдавая каждое движение. Воронов перестал скрываться: элемент неожиданности всё равно был утрачен, если наверху кто-то есть, то этот кто-то давно знает о его присутствии. Он поднимался медленно, держа пистолет наготове, и с каждым шагом воздух становился холоднее. Запах ладана, который он ощутил ещё снаружи, здесь был гуще и переплетался с другим ароматом — затхлой воды, как из старого колодца.

Площадка второго этажа представляла собой узкий холл с четырьмя дверьми. Одна, ближайшая к лестнице, была приоткрыта — та самая, из видео, — и из неё лился свет свечи. Воронов толкнул дверь стволom пистолета и вошёл. Это была детская комната. Свеча стояла на подоконнике, в банке из-под варенья, и пламя её металось от сквозняка, которого он не чувствовал. Вдоль стен — две кровати, одна явно девичья, с балдахином из розового тюля, вторая попроще, подростковая. На стенах — плакаты с фантастическими тварями и полка с книгами, в изножье девичьей кровати — всё тот же плюшевый медведь с фотографии, только теперь у него не хватало одного глаза-пуговицы. Медведь сидел, прислонённый к подушке, и на коленях у него лежал листок бумаги.

Воронов приблизился, поднёс свечу ближе. На листке крупными печатными буквами, но с ошибками, как пишут дети младшего возраста, было выведено:

«ПАПА ГОВОРИТ НЕ ВЫХОДИТЬ ИЗ КОМНАТЫ. ОН СМОТРИТ ИЗ СТЕН. МАМА ПЛАЧЕТ. Я БОЮС. ОН ПРИХОДИТ КАЖДУЮ НОЧЬ И ПРОВЕРЯЕТ, СПИМ ЛИ МЫ. НО МЫ НЕ СПИМ. МЫ ЖДЁМ».

Он перечитал записку дважды. «Он смотрит из стен». Воронов поднял взгляд на обои — старомодные, в мелкий цветочек, кое-где отклеившиеся на стыках. Он подошёл к стене, провёл ладонью по неровной поверхности и вдруг почувствовал под пальцами холод. Не тот,

что бывает от внешней стены в плохо отапливаемом доме, а металлический, искусственный холод, какой излучают работающие приборы. Он надавил сильнее — участок обоев поддался, и за ним обнаружилась небольшая ниша, а в ней — крошечная видеокамера с красным огоньком индикатора, тускло мерцавшим в полутьме.

Камера была направлена прямо на кровати.

Воронов отшатнулся. Красный огонёк — камера работала. Прямо сейчас кто-то смотрел на него с другого конца провода. Он быстро залепил объектив куском оторванных обоев и, сглотнув подступивший к горлу ком, бросился в коридор. Нужно было проверить остальные комнаты и как можно быстрее найти источник питания, записывающее устройство — или того, кто за этим стоит.

Следующая дверь вела в супружескую спальню. Здесь царил относительный порядок, но именно относительность и настораживала: покрывало на кровати было смято, на прикроватной тумбочке стояли два бокала с красным вином на донышке, а на полу валялась опрокинутая рамка с фотографией. Воронов поднял её — снимок был тот же, что и в конверте, но стекло треснуло ровно по лицу мужчины, разделяя его пополам. Рядом с кроватью, на ковре, он заметил ещё одно пятно крови — на этот раз совсем свежее, почти алое, и от него тянулись следы к двери, которую он поначалу не заметил. Дверь была узкой, замаскированной под стенную панель, и вела, судя по расположению, в мансардный отсек или на чердак.

Следы уходили туда. Воронов потянул за ручку, но дверь не поддалась. Заперто изнутри. Тогда он навалился плечом — старый шпингалет с той стороны жалобно хрустнул, и дверь распахнулась, явив крутую винтовую лестницу, уходящую во тьму. Снизу тянуло сквозняком и слышался звук, от которого волосы встали дыбом: монотонное гудение, прерываемое тихими электронными щелчками. Так гудят серверы или записывающая аппаратура.

Он начал спускаться, считая ступени. На пятой почувствовал, что стены здесь уже не каменные, а бетонные, и холод стал пробирать до костей. На восьмой до него донесся новый запах — озон и разогретый пластик, смешанный с тем самым ладаном, который явно использовался, чтобы заглушить другую вонь. На двенадцатой ступени лестница закончилась, и он оказался в подвальном помещении, которое никак не вязалось с образом старого особняка.

Это была комната без окон, размером примерно пять на шесть метров, залитая мертвенным светом люминесцентных ламп под потолком. Вдоль трёх стен тянулись металлические стеллажи, уставленные аппаратурой: видеорегистраторы, мониторы, жёсткие диски, мигающие светодиодами маршрутизаторы. Кабели змеями расползались по полу, исчезая в отверстиях в стенах. В центре стояло офисное кресло, развёрнутое спинкой к нему, а перед креслом — большой монитор, на который выводилось сразу шестнадцать квадратов: камеры по всему дому. Он увидел гостиную, где ещё светился погасший ноутбук, кухню с кастрюлей на плите, прихожую с пятнами крови на ковре, детскую с заклеенной камерой и... самого себя, стоящего сейчас в этом самом подвале.

Воронов замер. Одна из шестнадцати картинок показывала его со спины, с камеры, расположенной где-то над лестницей. Значит, тот, кто сидит в этом кресле, видел его с самого начала. Видел, как он входит в дом, как осматривает кухню, как читает записку девочки. Но кресло было пустым — во всяком случае, так казалось, пока он не сделал шаг в сторону, заглядывая за высокую спинку.

В кресле кто-то сидел. Человек, укутанный в тёмное одеяло, не двигался. Воронов навёл пистолет, готовый выстрелить в любую секунду.

— Руки! — скомандовал он. — Медленно встать и повернуться.

Человек не шелохнулся. Воронов подошёл ближе, рывком сдёрнул одеяло и отшатнулся, едва не споткнувшись о кабель. В кресле, пристёгнутый строительными хомутами к подлокотникам, сидел мужчина с фотографии. Глава семьи Кузнецовых. Его глаза были широко открыты и остекленели, но не смертью — ужасом, застывшим в тот момент, когда он, по-видимому, ещё был жив. На коленях у него лежал диктофон, включённый на бесконечное воспроизведение, из которого доносился один и тот же обрывок фразы, повторяемый шёпотом, многократно усиленным динамиками подвала:

«...не ищи нас... не ищи нас... не ищи нас...»

Воронов потянулся к диктофону, чтобы выключить его, и в этот момент монитор перед креслом мигнул. Все шестнадцать квадратов на секунду погасли, а затем вспыхнули снова, но картинка изменилась. Теперь это была не прямая трансляция. На экранах появилась запись: та самая спальня, которую он только что осматривал, но в другом времени — дневной свет сочился сквозь занавески. По спальне метался мужчина, тот самый, что сейчас сидел в кресле, и кричал что-то беззвучно, размахивая руками. Женщина жалась к стене, закрывая собой детей. Потом в кадр входил кто-то ещё. Тёмная фигура, размытая, будто состоящая из дыма и помех, не имевшая чётких очертаний, но источавшая ощущение неподдельного, концентрированного зла. Фигура подходила ближе к камере, и в этот миг изображение на всех экранах сменилось одним-единственным крупным планом: человеческий глаз, смотрящий прямо в объектив. Глаз, который не мог принадлежать никому из семьи.

И в этом глазу он увидел отражение.

Мгновенное, на долю секунды, но достаточно чёткое: силуэт человека, стоящего у него за спиной. Человек не был им самим — в отражении он заметил капюшон, низко надвинутый на лицо, и бледную, почти белую руку, медленно поднимающуюся к его плечу. Воронов резко обернулся, выбрасывая руку с пистолетом вперёд, но в подвале, кроме него и мёртвого главы семьи, никого не было. Только гудение аппаратуры и шёпот из диктофона, который зациклился, словно издёвка: «не ищи нас, не ищи нас...»

Он выдохнул, пытаясь взять себя в руки. Сердце колотилось где-то у горла. На мониторе снова была прямая трансляция. Камера из детской показывала пустую комнату и кровати, но теперь возле них кто-то стоял. Маленькая фигурка в ночной рубашке. Она повернулась к объективу, и Воронов увидел лицо девочки — то же, что на фотографии, но серое, лишённое эмоций. Она смотрела прямо в камеру, и её губы беззвучно шевелились. На этот раз ему не нужно было читать по губам, потому что слова сами собой возникли в голове, чужие, холодные, как вложенная мысль:

«Вы зря пришли. Он теперь знает о вас».

Трансляция оборвалась. Монитор погас, а вместе с ним отключились и все люминесцентные лампы, погрузив подвал в абсолютную, крошечную тьму. Воронов остался стоять один,

с пистолетом в руке, в лабиринте невидимых кабелей, слушая, как гудение аппаратуры затихает, сменяясь далёким, ритмичным звуком, который он сначала принял за стук собственного сердца.

Но сердце билось чаще. А этот звук был размеренным и медленным — кто-то спускался по винтовой лестнице. Ступени отсчитывали его приближение: одна, вторая, третья. Воронов поднял пистолет в ту сторону, где предположительно находился выход, но в кромешной тьме не видел даже ствола перед лицом. Звук шагов стал громче, ближе. Восьмая ступень. Девятая. На мгновение шаги затихли, и в наступившей тишине он услышал дыхание — не своё, а чужое, глубокое, ровное. Оно было совсем рядом, в метре, может, меньше.

— Не подходите, — предупредил он, и голос его дрогнул. — Я вооружён.

В ответ раздался смешок — тихий, почти интимный, как если бы собеседник стоял вплотную и наклонился к самому уху. А затем тьму прорезал свет. Не ламп, не фонарика — экраны мониторов вспыхнули сами собой, показывая одно и то же: его лицо, искажённое страхом, в окружении множества чужих глаз. Десятки, сотни глаз, заполнивших всё пространство подвала, смотрели на него с экранов, и в центре этой жуткой мозаики загорелась красная надпись, пульсирующая в такт шагам, которые так и не возобновились:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ. МЫ ВАС ЗАЖДАЛИСЬ».

Экран моргнул, и на долю секунды Воронов увидел за спиной отражение в чёрном зеркале выключенного монитора. В этом отражении рядом с его плечом стояла фигура в капюшоне, уже положившая руку ему на плечо — ту самую бледную руку, которую он заметил раньше. Он почувствовал прикосновение: холодное, как лёд, и одновременно обжигающее, проходящее сквозь одежду, сквозь кожу, прямиком в позвоночник.

А потом в подвале раздался голос, который он узнал бы из тысячи — голос, который не мог здесь звучать, потому что принадлежал человеку, умершему десять лет назад. Голос его наставника, старшего оперуполномоченного, который взял его на первое дело и который сгорел в пожаре при невыясненных обстоятельствах, оставив Воронову только старую зажигалку и чувство вины.

— Лёша, — произнёс голос мягко, с той самой отеческой интонацией, от которой у Воронова всегда подкатывал ком к горлу, — ты всё-таки пришёл. А я ведь предупреждал тебя: никогда не открывай пустые дома. Теперь ты — часть этого дома.

Мониторы погасли окончательно, и Воронов погрузился во тьму, которая стала не просто отсутствием света, а чем-то осязаемым, плотным и живым. Последнее, что он успел осознать, прежде чем сознание покинуло его, — что холодная рука на плече сжалась, а губы у самого уха раздвинулись в улыбке, которую он не видел, но чувствовал каждой клеткой своего существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.